

О своем решении остаться на Западе Тарковский объявил в Милане, тут же добавив: "Это самый отвратительный момент моей жизни". Это случилось 10 июля 1984 года.

Среди причин, точнее поводов к этому "насилию над собой", напрашивается разочарование решениями Каннского фестиваля, состоявшегося в том же году, в мае. Тарковский представил тогда

свой фильм "Ностальгия". "Когда я здесь, на Западе, в Италии, делал для итальянского телевидения фильм "Ностальгия", у нас и в мыслях не было остаться здесь, не возвратиться в Советский Союз, ... я делал картину о человеке, который не мог жить без своей родины, который тосковал, находясь вне ее", говорил Тарковский на пресс-конференции. И далее режиссер обрушивался на Госкино и на С.Бондарчука, входившего в жюри фестиваля, за то, что они будто бы "все сделали, чтобы скомпрометировать меня".

Комитет по делам кинематографии пришел Ф.Т. Ермаш, который повел себя довольно демократично. Он сказал Андрею: "Вы можете ставить, что хотите", свидетельствовал писатель Александр Мишарин, который вместе с Тарковским создавал сценарий "Зеркала".

Странное дело, сам Тарковский больше всех винил именно Ермаша, а кроме того обвинял Бондарчука. И связывал свое решение остаться на чужбине с решениями Каннского фестиваля. Такую двойственность можно понять. Она коренилась и в характере режиссера, чуткого до мнительности, легко верившего наветам, нуждавшегося в постоянной поддержке коллег по работе. Сам же он бывал с ними резок, впадал в отчуждение, мог быть несправедливым.

Художник Шавкат Абдусаламов вспоминал: "Вы спрашиваете, каким он был в быту? Если бы я мог ответить однозначно... Андрей был замкнутым, кусачим, вредным и одновременно добрым, беззащитным, одиноким".

Людмила Фейгина, монтировавшая большинство фильмов Тарковского, говорит: "Нельзя было отрезать его от родины, которую он так любил. Как много он мне рассказывал о деревне, с какой теплотой говорил о деревенских людях!"

Тарковский не был обойден наградой. Ему и его любимому режиссеру Брессону по решению жюри Каннского фестиваля актер Орсон Уэллс вручил один и тот же приз — "За творчество в целом". (Брессон получил его за фильм "Деньги", Тарковский — за

"СТАЛКЕР"

"АНДРЕЙ РУБЛЕВ"

"Ностальгию"). В чем же дело? Откуда обида? А в том, что на пути к высшей награде — "Золотой пальме" на этот раз встал как раз любимый им Робер Брессон, который заявил жюри: он хочет получить лишь "Золотую пальму" или ничего. "Я был вынужден заявить то же самое, чтобы наши шансы перед жюри были равными", в свою очередь сказал Тарковский на той же пресс-конференции. Обоим было отказано в высшей награде, но присужден приз, который для иного режиссера считался бы желанной наградой. Больше всего ударило Андрея то, что именно человек, которого он высоко ценил, помешал его утверждению на кинематографическом Олимпе.

Итак, неудовлетворенное честолюбие, тщеславие? Нет, крушение многолетней жизненной мечты. Причем крушение в тот момент, когда он более всего ожидал получить всемирное признание и понимание, на что имел безусловное право. Признание, которое могло прийти к нему в кинематику намного раньше, если бы не коварные козни и подножки там же в Каннах, полученные несколько лет ранее.

Каннский фестиваль, как известно, возник в соперничестве с Венецианским "биеннале" и стал важнейшей площадкой для запуска фильмов повышенного класса. Его хозяином был долгое время "папа" Дассэн, богатый родитель замечательного французского певца. Он приложил немало сил для утверждения международного авторитета своего детища. Отбор картин для Канн был особенно тщательным. Каждое слово, прозвучавшее здесь вокруг того или иного режиссера или его фильма, могло сыграть решающую роль. Здесь скрещивали свои шпаги европейский кинематограф с заокеанским. Нервное напряжение вокруг итогов фестиваля всегда было исключительным. Оно охватывало как создателей фильма, так и всех, кто принимал решения. Мне довелось присутствовать на нескольких изданиях фестиваля. Помню, как Франсуаза Саган, хрупкая, но оказавшаяся "твердым орешком" писательница, возглавлявшая жюри, подала в отставку, когда в ре-

зультате тайного голосования "Золотую пальму" члены жюри хотели подарить Фрэнсису Копполе за его "Апокалипсис", ленту, в которой сюжет французского писателя был перелицован под современные события. (Действие уже происходило не в Африке, а в Индокитае). Картина была снята с блеском. Зверские бомбежки, пожары и прочие достижения американской военной техники были сняты, хотя и с долей осуждения, но красиво (до чего красива война! — воскликнул один из критиков). Саган не согласилась с мнением большинства жюри, и предстояло новое голосование. Один из членов жюри, ветеран итальянского неореализма А., ныне покойный, начал меня расспрашивать, не могли ли Роберт Рождественский (а он входил в жюри) отдать свой голос Копполе. "Вы, русские, доверчивы, вас могут обмануть блестящие, а тут идет серьезная война. Не та фальшивая, которую показал Коппола. Это война не на жизнь, а на смерть за будущее европейского кино. Саган — мужественная женщина, она понимает, что делает".

Я, разумеется, не знал, как голосовал Рождественский, но предполагаю, что Коппола мог соблазнить антивоенной риторикой своего в общем незаурядного фильма и нашего представителя. Так или иначе, но вечером на пляже динамики огласили окончательный вердикт — "Золотую пальму" разделили пополам Коппола и германский режиссер Шлендорф (за фильм "Барабанщик"). Специального приза была удостоена "Сибириада" А. Кончаловского. Саган добилась-таки компромисса. Теперь можно было отправляться на финальный просмотр какого-то фильма-сюрприза, который уже не имел отношения к конкурсной программе.

Зубры и волки кинокритики, актеры и актрисы, а также режиссеры поспешили в центральный зал Каннского кинофорума — смотреть сюрприз. И сюрпризом оказался ... "Сталкер" Андрея Тарковского! Многим было тогда известно, что этот пока еще неведомый Западу (и рубезный для режиссера) фильм был уготован для Венецианского фестиваля, главного конкурента Канн. Фестиваль в Венеции, как известно, проходит в конце лета. Преждевременный показ его в Каннах в присутствии наиболее квалифицированных кинокритиков мира был равносильен публичному расстрелу картины. Ведь тем и отличаются фестивали, что там демонстрируются только новые картины. Если теряется эффект новизны, картина уже не может считаться конкурсной.

Показ-сюрприз оказался крупнейшей подлостью в отношении Тарковского, его творчества, всей его судьбы. В Венеции некогда было премировано его "Иваново детство", картина-откровение. "Сталкер" имел практически стопроцентные шансы (это было видно и по реакции просмотрового зала в Каннах) на высшую награду в Венеции. Как теперь отреагирует Венеция?

Ждать пришлось недолго. Директор Венецианского кинофестиваля Кьярини прислал возмущенную телеграмму, оповещая, что после этой выходки не сможет принять творение Тарковского и вынужден снять его ленту с конкурса. У Тарковского, у советского кинематографа фактически украли первую премию. Режиссеру был нанесен непоправимый удар, особенно если учесть все тернии, выпавшие на пути "Сталкера", одной из самых программных его картин.

Картина на сюжет Стругацких ("Пикник на обочине") долго не вытанцовывалась. Сценарий пришлось многократно переправлять. В результате, по свидетельству Аркадия Стругацкого, из фантастического сценария был сделан сценарий-притча. Содержание его известно. Модный, но исписавшийся и озлобленный писатель и ученый, исчерпавший себя в научных поисках, хотят добраться до некоего чуда, оставленного в заброшенном месте инопланетянами. Оно будто бы способно обновить их творческие силы, дать ход выполнению сокровенных мечтаний. Один из них, однако, прихватил с собой бомбу: чтобы уничтожить это Нечто, способное воплощать тайные желания людей, их замыслы лучше самих людей.

Ведет их Сталкер, самоотверженный искатель, рискующий жизнью ради того, чтобы помочь человечеству, людям, приблизиться к дару небес. На пороге помещения, где хранится секретный предмет, своего рода небесный Грааль, владелец бомбы отказывается все же от зловещего замысла. Опасную компанию приходится срочно уводить из заповедного места. Дома, в убогой лачуге, Сталкер содрогается от рыданий — ведь он хотел добра этим людям. Этим интеллигентам, которые, по его словам, норовят за каждое движение души получать вознаграждение и неспособны к чистому, бескорыстному творчеству. Впрочем, пересказывать фильм невозможно, да и нет смысла. Каждый толкует его по-своему. Это фильм о трудности пути, о дорогой цене, которой человечеству дается каждый шаг, о цене Преодоления.

И вот на-полпути создания картины, не мистика ли? — все, что Тарковскому удалось отснять, оказалось загубленным. Причина? Говорили, что попалась некачественная пленка. Но видимо, была и неудовлетворенность от того, что снято. Фактически фильм затем снимался заново, сценарий вновь полностью перерабатывался. Фильм давался в муках. Зато потом режиссер мог сказать, что он свершил то, чего добивался.